

Интервью

VR. Клэр Уоллес – одна из наиболее активных европейских исследователей, занимающихся компаративными проектами в посткоммунистических странах. Практически с момента образования европейской исследовательской сети по экономической социологии она принимала участие в ее работе, хотя ее интересы всегда были несколько шире. В 2000 г. вместе с Кристианом Херпфером Клэр Уоллес выступала в Москве на организованной нами международной конференции «Экономическая социология на пороге третьего тысячелетия». В 2001 г. она стала главным редактором журнала Европейской социологической ассоциации «European Societies». И это пошло ему на пользу.

Клэр Уоллес [Claire Wallace], 24 сентября 2003 г.¹

Клэр – на редкость энергичная женщина. Она всегда удивляла меня тем, что, посещая массу конференций, каждый раз выступала не с одним, а с двумя-тремя докладами на разные темы. Интервью было записано в Мурсии (Испания) на очередном Конгрессе Европейской социологической ассоциации. На встречу она пришла со своей помощницей – видимо, для моральной поддержки.

* * *

– Клэр, насколько я знаю, Вы участвовали в работе Европейской исследовательской сети по экономической социологии [European Economic Sociology Research Network] с момента ее основания. Поэтому, полагаю, Вы считаете себя экономсоциологом – по крайней мере, основные Ваши работы можно отнести к этой области, не так ли?

– Дело в том, что в Великобритании нет такой дисциплины – экономическая социология, она просто не существует. Есть множество более узких предметов. Так что нельзя сказать, что я занималась экономической социологией. Позднее я участвовала в работе нескольких ваших секций, и они показались мне очень интересными. Я обнаружила близкие мне аспекты экономической социологии, некоторые идеи были очень полезными. Но в Великобритании не принято идентифицировать себя с экономической социологией.

– Скорее с индустриальной социологией, социальной стратификацией?

– Совершенно верно. Здесь есть целые направления социологии, которые можно отнести к экономической социологии – однако они не выступают под этим именем.

– Я только что встретил Дж. Гершуни, который преподавал социологию хозяйственной жизни в Великобритании еще в 1991 г. Правда, это редкий случай. Но, я слышал, в Манчестерском университете появились авторы, готовящие учебники по экономической социологии. Как Вам кажется, не происходят ли здесь какие-то сдвиги?

– Возможно. Но, мне кажется, эта область гораздо более развита, например, в США или в России – именно как предметная область. И тому, что вы называете экономической

---

¹ Перевод М.С. Добряковой.

социологией, мы даем другие названия: социология рынков труда, социология стратификации, социология труда, социология организаций и т.д. Все это можно отнести к экономической социологии в качестве ее частей. Быть может, в результате этого распространения идей – в рамках вашей исследовательской сети, на различных международных конгрессах – данная область как таковая утвердится и в Великобритании. Тем не менее это не та область, которая первой придет в голову, когда говоришь о британских исследованиях. И я стала экономсоциологом, когда вошла в вашу исследовательскую сеть.

– *Значит, Вы ощущаете себя экономсоциологом в полной мере только здесь – на европейских конгрессах?*

– Точно.

– *Вы – человек широких интересов и хорошо разбираетесь в направлениях европейских и американских исследований. На Ваш взгляд, какие основные методологические подходы образуют ядро современной экономической социологии?*

– Насколько я себе это представляю, есть целая область экономической социологии – организационные исследования. Здесь работают в стиле Оливера Уильямсона [Oliver Williamson], изучая организации, компании, фирмы, то, как они меняются. В рамках этого подхода работают и многие британские авторы. Например, Анна Поллерт [Anna Pollert]. В принципе, ее можно было бы назвать экономсоциологом. Ее исследования посвящены именно этой проблематике – изменениям в организациях, организационным структурам, социальным отношениям в организациях. Таким образом, это одно направление.

Другое направление – исследования рынков труда.

– *Ваше любимое?*

– Да, верно. Здесь рассматриваются структура и изменения на рынках труда. Например, я сейчас изучаю изменения, связанные с увеличением гибкости [flexibilization]. Изучаются аспекты частичной занятости, изменение моделей труда, моделей занятости – и ведь все это, в сущности, является экономической социологией.

– *Среди экономико-социологических областей две наиболее важные области в британской социологии связаны с исследованиями стратификации и трудовых отношений.*

– Да, эти два направления в Великобритании не относят к экономической социологии, однако, мне кажется, это действительно экономическая социология.

Есть также ряд экономистов, интересующихся социологической проблематикой. Все началось с распространения новой институциональной экономической теории. Экономисты поняли тогда, что существует множество социологических и даже политических переменных, которые важны и которым в экономической теории не уделялось должного внимания. Например, вместе с экономистами мы участвовали в проекте, реализованном при поддержке Европейского банка реконструкции и развития, – их интересовали развитие и трансформации в Восточной и Центральной Европе. Они обнаружили, что при помощи одних только неоклассических моделей невозможно объяснить множество различий между странами Восточной и Центральной Европы и то, почему многое в них пошло не так, как задумывалось. Тогда они заинтересовались такими вопросами, как доверие или социальный капитал, и решили привлечь нас. Так что в экономической теории есть целое направление, разрабатывающее проблемы более социологического и политологического характера. И отсюда выросло особое направление экономической социологии – начало ему положили «дружески настроенные» экономисты. Например, я пересекалась во Всемирном банке со Стивеном Кнэком [Stephen Knack], он занимался исследованиями трансформации в Румынии и других странах (да, пожалуй, во всем мире, но я знакома именно с его работами о странах Центральной и Восточной Европы). Словом, в таких организациях, как Европейский банк

реконструкции и развития и Всемирный банк, есть подобные группы экономистов. Возможно, они есть и в академических учреждениях, но мне довелось с ними встречаться именно в международных организациях. И они понимают, что многие проблемы, с которыми они сталкиваются в странах Центральной и Восточной Европы, нельзя объяснить при помощи классических экономических моделей. Поэтому они начали обращаться к более социологическим парадигмам. И в результате мы получаем интеллектуальную подпитку от этого направления.

Интересные идеи предлагаются и такими авторами, как Джонатан Гершуни [Jonathan Gershuni] или Ричард Сведберг [Richard Swedberg] и Нил Смелсер [Neil Smelser], – которые занимаются социологией, но также интересуются и экономической проблематикой в рамках социологии, мотивацией и культурой, которые стоящими за различными экономическими стратегиями. Словом, мне кажется, есть различные направления – в том числе более ориентированная на социологию экономическая теория.

– Да, небольшая ее часть.

– А некоторые социологи начинают все больше интересоваться экономическими вопросами.

– Вы упомянули социальный капитал и доверие как важные ныне темы. Скажите, а сетевой подход, ассоциируемый с этими понятиями, тоже набирает силу в Великобритании, как, например, в США, где он является одним из двух наиболее крупных направлений?

– Мне кажется, проблема социального капитала действительно стала очень популярной в Великобритании, однако здесь не использовался сетевой подход.

– Скорее более институциональная ориентация?

– Да. Конечно, исследователи здесь интересуются проблемой доверия. При этом они занимаются изучением сетей, но не рисуют все эти графы и диаграммы, как это зачастую делается в сетевой социологии. Скорее это анализ тех связей, на которые люди могут опереться: много ли тех, к кому они могут обратиться, на кого они могут положиться, насколько защищенными они чувствуют себя в своем окружении – такого рода вопросы.

– Это ближе к концепции Карла Поланьи, не так ли? Своего рода стратегии выживания людей, «субстантивная экономика» в противовес «формальной экономике»? Нечто в этом духе? – как в работах Гершуни, которого Вы упоминали?

– Да, верно.

– Насколько я знаю, он последователь идей Поланьи.

– Да. Но в целом идеи Поланьи не особенно популярны в Великобритании. Например, я познакомилась с ними, только когда начала участвовать в международных европейских исследованиях. На европейцев он оказал более сильное влияние.

Я бы хотела добавить еще несколько слов о том, откуда у меня появился интерес к экономической социологии. Это связано с трансформациями в Восточной и Центральной Европе. Появился целый ряд новых парадигм, возникли новые интересы – например, к изучению стратегий домохозяйств. И именно тогда экономическая социология начала приобретать свой вес. Мне кажется, она стала более влиятельной в начале 1990-х годов именно поэтому – по крайней мере, насколько я могу судить по своим наблюдениям.

– Важное место в британской социологии занимает Британское панельное обследование домохозяйств², которое организовывал сначала Тони Коксон [Anthony Coxon] и затем Джонатан Гершуни.

---

² British Household Panel Survey: <http://iserwww.essex.ac.uk/ulsc/bhps/>

– Да, оно очень важно.

– А многие ли авторы пользуются его данными?

– Панели? Не могу сказать.

– *Хорошо. Возвращаясь к британской и европейской социологии: скажите, пожалуйста, есть ли у европейской экономической социологии (и индустриальной социологии) какие-то особенности по сравнению с американской? Европейцы чем-то отличаются?*

– Не могу сказать, что я так хорошо знаю американскую социологию, чтобы судить об этом. Впрочем, вряд ли кто-то хорошо знает всю американскую социологию. Что касается меня, то я имела дело лишь в небольших ее фрагментах. Я скорее могу говорить о различиях между Европой и Великобританией, эта тема мне ближе. И я бы сказала, что парадигма экономической социологии сформировалась именно в результате развития европейской социологии – а сейчас, видимо, она начинает набирать силу в британской социологии. Возможно, развитие будет идти в этом же направлении. Думаю, именно трансформации в странах Центральной и Восточной Европы открывают все новые и новые проблемы, которые принципиально важны для экономической социологии – например, проблему социального капитала или понимания социальных последствий хозяйственных изменений. Равно как и экономических последствий социальных изменений.

– *Я знаю, Вы участвуете в сравнительных исследованиях, которые проводятся в восточноевропейских странах, и работаете с восточноевропейскими социологами. Как Вы считаете, у восточноевропейской экономической социологии есть какие-то особенности по сравнению, скажем, с австрийской или британской социологией?*

– Мне кажется, экономическая социология в Центральной и Восточной Европе очень сильна. Например, на мою работу очень повлияли идеи Андре Шика [Endre Sik], который, несомненно, принадлежит к лагерю экономсоциологов. Он ввел важные идеи в европейскую социологию. Насколько я знаю, он известен и в США, проводит там довольно много времени. Так что одно направление берет начало в его работах. Он занимался исследованием социальных сетей, рыночных транзакций и роли рынка, а также тем, как люди осуществляют рыночные расчеты.

– *Интервью с Андре Шиком будет опубликовано как раз в следующем номере нашего журнала³. На мой взгляд, венгры – одни из самых сильных социологов в Восточной Европе. Они активно переводили свои работы на английский язык – в результате их знают. А кого еще в Восточной Европе Вы бы выделили?*

– Еще, конечно же, Дьердь Ленгель [Georgy Lengyel]⁴. Но он тоже представляет венгерскую экономическую социологию.

Важны Ваши работы и Ваш журнал – мне кажется, это замечательный журнал. Важны также конференции и семинары, которые Вы организовываете. И Ваши исследования. Да, мне кажется, Ваша российская школа здесь очень важна.

Думаю, есть и другие люди, о которых мы не так много знаем, потому что они не публикуют работ на английском языке, не выступают на международных конференциях, и мы просто не пересекаемся с ними. Например, я не могу сразу вспомнить украинских социологов.

В Чешской республике работает Иржи Вечерник [Jiří Večerník]. Он занимается изучением рынков, там сложилась целая школа – которая отличается от венгерской школы. Его больше

---

³ Шик А. Интервью // [Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 7–14.](#)

⁴ Ленгель Д. Интервью // [Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 12–17.](#)

интересуют изменения на рынке труда. Возможно, и в Польше есть своя школа, но я просто не знаю об этом.

– *А если вернуться к сравнительным исследованиям, которые Вы упоминали, – каковы их особенности? В чем преимущества и недостатки таких исследований в Восточной Европе?*

– Я считаю, что сравнительные исследования – это очень важное направление, ведь изменения в разных странах происходят по совсем разным моделям. И сравнивая различные траектории этих изменений в странах Центральной, Восточной и Западной Европы, вы сможете лучше понять их.

Правда, с другой стороны, проводить сравнительные исследования очень непросто. Потому что даже если у вас есть данные обследований, которые считаются объективными... – мы же все хорошо знаем о проблемах, с которыми сталкиваемся, как строятся вопросы, как респонденты их понимают и как мы потом интерпретируем результаты. Здесь могут получаться несопоставимые вещи. Необходимо иметь надежных партнеров в разных странах. Просто хороших данных недостаточно. Нужны также хорошие специалисты, которые помогут объяснить, почему здесь сложилась именно такая модель. Это необходимо даже для количественных исследований, которые считаются объективными. Я считаю, очень важно сотрудничать с исследователями из других стран, так как они могут помочь прояснить, что же происходит. И конечно, это еще более важно для качественных исследований. Это непростая задача... Впрочем, Вы должны хорошо это знать – ведь Вы же проводили качественные исследования стратегий домохозяйств?

– *Я занимался и количественными, и качественными исследованиями, старался сочетать эти методы. А чему были посвящены ваши качественные исследования?*

– Мы изучали вопросы здравоохранения, проводили крупное обследование условий жизни в странах СНГ. И в рамках этих проектов были качественные модули, мы провели множество интервью в разных странах – с экспертами, с обычными людьми. Сравнительные исследования – очень непростая задача. Ведь по большому счету нет четко установленных методов проведения сравнительных качественных исследований. Приходится изобретать собственные. Во многом ситуация разворачивалась уже по ходу исследований, принимались решения по поводу того, как систематически и объективно сопоставить результаты качественных исследований в разных странах. Это до сих пор довольно редко практикуется, исследователи чаще занимаются собственными странами и ограничиваются интервью, которые берут сами. А для сравнительных исследований требуется сотрудничать с теми, кто брал эти интервью в других странах, – если, конечно, вы не владеете в совершенстве языками всех стран, где проводится исследование.

– *Да, это не всякому по плечу... А если вернуться к развитию экономической социологии, индустриальной социологии, исследованиям рынков труда, встречались ли Вам в последнее время работы, которые показались особенно важными, неожиданными, стимулирующими, влиятельными? Если брать не классику, а последние 3–4 года?*

– Если следовать моему определению экономической социологии (включающему области, которые Вы, возможно, к ней не отнесли бы), то прежде всего это сборник под редакцией Сведберга и Смелсера...

– *Вы имеете в виду «Хрестоматию»⁵?*

– Да. Она многим помогла сформировать представление об экономической социологии.

---

⁵ Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology. Princeton: Princeton University Press, 1994.

– Этот сборник действительно очень известен. Кстати, в следующем году они собираются опубликовать новое издание, во многом переработанное. Я согласен, это действительно лучшая хрестоматия на сегодняшний день. Но она вышла почти десять лет назад. А как обстоит дело с более новыми работами – европейскими, британскими? Что бы Вы отметили? Я знаю, о новых работах говорить труднее, нежели о тех, которые появились раньше.

– То есть «Хрестоматию» Вы относите к работам, вышедшим давно?

– Ну, ведь прошло почти десять лет.

– Да, Вы правы. Мне кажется, работы Марка Грановеттера пользуются большим влиянием. Не знаю, есть ли у него книги. Точнее, много лет назад у него вышла книга – о поиске работы⁶, очень интересная книга. А потом он писал статьи, некоторые из которых получили большой резонанс.

– Он начал писать новую книгу много лет назад, но еще не закончил ее.

– Да, его работы очень важны. Даже не столько его книга, сколько парадигмы и идеи.

Еще есть, например, такой автор, как Анна Поллерт [Anna Pollert] – Вы ее не знаете. Это чешско-британский социолог. Она много занималась изучением организаций, организационных изменений в Чешской республике. Анализировала роль профсоюзов в изменении трудовых отношений в переходных странах. А еще раньше она написала большую книгу о организационной гибкости [flexibility] в Западной Европе. Так что она занимается вопросами организационных изменений и трудовыми отношениями. Мне кажется, ее работы очень важны⁷.

– А кто еще в Великобритании? Пять-шесть лет назад я хорошо знал британскую социологию, но сейчас, боюсь, я не могу быть в курсе последних разработок. Каковы сейчас основные направления исследований?

– Есть очень интересные работы об изменениях на рынке труда Дж. О’Рейли, К. Фейгин, К. Хаким, С. Кларка [Jacqueline O’Reilly, Colette Fagan, Catherine Hakim, Simon Clarke]. Все они изучали изменение моделей труда, отношений между домохозяйством и рыночным трудом, мотивацию выхода или невыхода на рынок труда⁸. Это развитая традиция в британской социологии. На мой взгляд, здесь были написаны хорошие работы. Кэтрин Хаким – несомненно, очень важная фигура.

– Да, она недавно опубликовала пару книг о трудовых отношениях. Скажите, а есть ли у британских социологов...

---

⁶ Granovetter M. *Getting A Job: A Study of Contact and Careers*. Cambridge: Harvard University Press, 1974. (Переиздание: University of Chicago Press, 1995.)

⁷ Pollert A. *Transformation at Work in the New Market Economies of Central Eastern Europe*. L.: Sage Publications, 2000; Gilbert N., Burrows R., Pollert A. (eds.) *Fordism and Flexibility: Divisions and Change*. N.Y.: St. Martin's Press, 1992; Pollert A. *Girls, wives, factory lives*. L.: Macmillan, 1981.

⁸ См., например: O’Reilly J. (ed.). *Regulating Working-Time Transitions in Europe*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2003; O’Reilly J., Fagan C. (eds.). *Part-Time Prospects: An International Comparison of Part-Time Work in Europe, North America and the Pacific Rim*. L.; N.Y.: Routledge, 1998; Hakim C. *Key Issues in Women's Work: Female Heterogeneity and the Polarisation of Women's Employment*. L.: Atlantic Highlands, 1996; Hakim C. *Social Change and Innovation in the Labour Market: Evidence from the Census SARs on Occupational Segregation and Labour Mobility, Part-Time Work and Student Jobs, Homework and Self-employment*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1998.

– Извините, я забыла упомянуть Дж. Гершуни. У него же только что вышла книга – о бюджетах времени⁹.

– Верно. И, насколько я знаю, она будет обсуждаться на этом конгрессе.

– Да, Гершуни обязательно надо назвать. Правда, не знаю, считает ли он себя экономсоциологом – Вам лучше спросить об этом его самого¹⁰. Ведь социология хозяйственной жизни – это немного другой предмет.

– Мне кажется, он все-таки относит свои работы к экономической социологии. Скажите, а британские социологи интересуются работами французов? Я имею в виду экономическую теорию конвенций, которая становится все более влиятельной, или работы Пьера Бурдьё.

– Пьер Бурдьё пользуется большим влиянием. Французская теория регулирования тоже стала весьма популярной в британской социологии. Да, мне кажется, к французской социологии есть немалый интерес.

– Теория регулирования популярна до сих пор? Ведь она появилась двадцать лет назад.

– Да. По ней публикуются учебники. Впрочем, я какое-то время уже не преподаю в британских университетах, так что не знаю наверняка, ссылаются ли на нее и сейчас.

– Насколько я помню, на многих конференциях Вы выступали в качестве представителя Австрии, и я какое-то время думал, что Вы австрийка. А Вы сами считаете себя жительницей Австрии или Великобритании?

– Я жила в Австрии с семилетнего возраста, училась там. Но моя работа была связана главным образом с международными проектами, и нельзя сказать, что я занималась исследованиями Австрии. Хотя мы и провели несколько исследований, посвященных работе агентств по временному трудоустройству и гибкости австрийского рынка труда. В целом я занимаюсь сравнительными исследованиями, участвую в международных проектах. В частности, уже долгое время эти проекты посвящены странам Центральной и Восточной Европы. Выходит, что хотя я и жила какое-то время в Австрии, меня едва ли можно отнести к представителям австрийской социологии. Я бы скорее сказала, что я из Великобритании – я долгое время (более 10 лет) преподавала там в разных университетах. Затем четыре года провела в Чешской республике – преподавала в Центральной европейском университете. Потом снова вернулась в Австрию. Словом, я бы назвала себя англичанкой: и образование мое получено в Великобритании, и в качестве точки отсчета я ориентируюсь преимущественно на британскую социологию.

– И мой последний вопрос: какие предметные области, темы в рамках экономической социологии кажутся Вам наиболее перспективными и интересными на ближайшие несколько лет? Например, чем бы Вы порекомендовали заняться аспирантам в течение двух ближайших лет?

– Я считаю, очень интересна экономическая социология миграции. Например, то, чем занимается Алехандро Портес [Alejandro Portes]. Мне кажется, в Европе сейчас появляются новые разработки в этой области в связи с новыми моделями миграции, ее новыми волнами. Интересно исследовать использование рынком домашнего труда [the outsource in domestic

---

⁹ Gershuny J. Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2000; Gershuny J., Berthoud R. (eds.). Seven Years in the Lives of British Families: Evidence on the Dynamics of Social Change from the British Household Panel Survey / Institute for Social & Economic Research. Bristol: Policy Press, 2000.

¹⁰ К сожалению, запланированное интервью с ним на конгрессе не состоялось – Дж. Гершуни заболел. – *VR*

labor], участие женщин-мигранток в рабочей силе, изменение моделей рынка труда, то, как различные группы мигрантов участвуют в работе меняющихся рынков труда в Европе.

Да, я забыла упомянуть одну вещь. Я ведь пришла в экономическую социологию отчасти из феминистских исследований. В Великобритании в рамках феминистской социологии давно существовал особый подход к анализу рынков труда. Например, меня всегда интересовали не просто рынки труда, но то, как работа на рынке труда связана с работой *вне* рынка – скажем, с работой по дому или в неформальной сфере, с разного рода социальной работой в рамках сообщества, которая зачастую (если не исключительно) выполняется женщинами. Этот подход позволяет взглянуть на хозяйственную жизнь и труд под несколько иным углом зрения. И когда я говорю о социологии труда, я имею в виду более широкое определение данной области, включая не только рабочие места на рынке труда, но и работу, которую люди выполняют за пределами рынка труда, их неформальную занятость. Так что мои взгляды на экономическую социологию сформировались отчасти под влиянием этого подхода. И многие из авторов, которых я ранее упоминала, работают в рамках этого направления. Кстати, именно поэтому меня интересовали стратегии домохозяйств: ведь здесь можно рассматривать домохозяйство как единое целое, а не просто как совокупность отдельных индивидов, анализировать то, как это целое организует труд на рынке труда и за его пределами. Несомненно, это очень важно для стран Центральной и Восточной Европы, где многие люди выходят на рынок труда. Для анализа их хозяйственного поведения и стратегий выживания очень важно изучить то, что они делают за рамками формальной экономики. Поэтому я заинтересовалась стратегиями домохозяйств.

Не знаю, насколько другие Ваши собеседники интересуются этим подходом. А для меня это было очень важно. Я занималась не просто социологией труда – но социологией хозяйственных отношений, т.е. гораздо более широкой темой. И она стала шире именно потому, что я подошла к ней с позиций феминистской теории. Она позволяет понять, что рынок труда – это лишь часть того, что движет миром. А традиционная социология труда, как правило, не рассматривает эти вопросы. Когда же подходишь с таких более общих позиций, экономическая социология оказывается очень удачной перспективой. Мне кажется, просто социология труда или просто социология организаций – это слишком узкий предмет. Именно поэтому для меня так важна экономическая социология. Но, получается, у меня несколько иной взгляд на нее, чем у многих других людей.

– Мне кажется, Вы совершенно верно указали на вопросы неформальной экономики в связи со стратегиями домохозяйств. Они важны, конечно, не только для Восточной Европы, но для нее – особенно.

– Да. Здесь на меня очень повлияли работы Гершуни, которого я встретила на ранних этапах своей карьеры. Я заимствовала у него это более широкое определение хозяйственных отношений, в которых труд выступает лишь как один из элементов. И для меня оно стало очень важным.

Я уже упоминала миграцию, экономическую социологию миграции. Мне кажется, в Европе в связи с этим встает целый ряд новых вопросов – прежде всего в сфере домашнего и надомного рыночного труда. Ведь в Испании, Австрии, Польше, Чешской республике появились целые армии женщин-мигранток, работающих в рамках домохозяйств, – они присматривают за престарелыми людьми, за детьми и т.п. В этой связи открывается целое направление исследований гендера и миграции через призму хозяйственных отношений домохозяйства: как домохозяйства организуют свое время и свой труд – который все в большей степени выполняется чужими людьми? Это не всегда иностранцы, но их в этой сфере становится все больше в этой сфере.

– То же самое происходит и в России.

– Да, наверное.

– *Причем развитие в этом направлении идет довольно стремительно.*

– Мне кажется, это очень интересное направление исследований – то, о чем вчера говорила Саския Сассен [Saskia Sassen] – отношения между глобальным и локальным на уровне организации домохозяйства, того, как домохозяйство организует свой повседневный труд. Зачастую это связано с глобальными изменениями – например, появлением мигрантов, готовых выполнять работу по дому, заниматься уборкой. Прежде эта работа выполнялась членами домохозяйства или семьи (расширенной семьи) и была связана с семейными отношениями.

Словом, я считаю, очень важны экономическая социология миграции и изучение новых аспектов миграции – то, как она связана с домашним трудом и организацией труда в рамках домохозяйства. Отсюда вытекают и вопросы о рынке труда – ведь если меняются схемы на рынке труда, то меняется и ситуация людей внутри домохозяйства. Это все взаимосвязано, сплетено в единый узел. И, на мой взгляд, экономическая социология может его распутать, если будет изучать не просто миграцию, не просто домашний труд, не просто рынки труда – но их взаимосвязи, социальные отношения между мужчинами и женщинами, между поколениями, между приезжими и коренным населением. Все эти проблемы очень важны, и экономическая социология – как широкая перспектива – будет весьма полезной для их изучения. Так что, несомненно, это направление ожидает весьма интересное будущее.

Не исчерпаны также и вопросы, связанные с изучением социального капитала, – он продолжает оставаться важной областью анализа, здесь предстоит еще многое сделать. Однако не всегда ясно, что же такое социальный капитал и какого рода влияние он оказывает на хозяйственное развитие. Влияние, по всей видимости, есть, но причины его неясны. И по этому вопросу ведется дискуссия, которая, думаю, продлится еще какое-то время.

Очень интересная тема – стратегии домохозяйств. Я как раз написала об этом статью. Эта тема особенно важна, поскольку одна из целей Европейского Союза – привлечь как можно больше женщин в состав рабочей силы. При этом другая цель – повышение рождаемости, что, конечно же, противоречит первой цели. Стратегии домохозяйств описывают то, как индивиды организуют свой труд в рамках домохозяйства, как они ухаживают за детьми, какую роль в этом играет государство и каково соотношение ролей государства и домохозяйства (семьи). Изучение стратегий домохозяйства – это, как мне кажется, ключевая тема для анализа социально-экономических изменений.

Кроме того, я считаю, для экономической социологии очень важны вопросы, связанные с изучением переходных хозяйств стран Центральной и Восточной Европы.

– *Некоторые коллеги утверждают, что интерес к странам Центральной и Восточной Европы пошел на убыль, что сейчас их изучение уже не так важно.*

– Это не так. Мне кажется, оно очень важно. Траектории изменений в этих странах совершенно различны. Например, различия между Чешской республикой и Украиной просто огромны. Я думаю, предстоит еще немало работы, чтобы объяснить последствия экономического перехода, реакцию людей на хозяйственные изменения и то, как их действия влияют на эти изменения. На мой взгляд, эта тема еще далеко не исчерпана. Вовсе нет.

– *Давайте надеяться на это.*

– Да, чтобы на многие годы вперед мы были обеспечены работой!

– Да! Большое спасибо.

Избранные публикации К. Уоллес

Книги

- Patterns of Migration in Central Europe / D. Stola, C. Wallace (eds.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire, N.Y.: Palgrave, 2001.
- Youth, Citizenship and Empowerment / H. Helve, C. Wallace (eds.). Burlington, VT: Ashgate, 2001.
- Wallace C., Kovacheva S. Youth and Society: the Construction and Deconstruction of Youth in Europe. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.
- Abbott P., Wallace C. An Introduction to Sociology: Feminist Perspectives. 2nd ed. L.; N.Y.: Routledge, 1997.
- Jones G., Wallace C. Youth, Family and Citizenship. Buckingham; Philadelphia Open University Press, 1992.
- Gender, Power and Sexuality / P. Abbott, C. Wallace (eds.). Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1991.
- The Sociology of the Caring Professions / P. Abbott, C. Wallace (eds.). L.; N.Y.: Falmer Press, 1990.
- Youth in Transition: Education, Employment and Training / C. Wallace, M. Cross (eds.). L.; N.Y.: Falmer Press, 1990.

Статьи

- Wallace C. Household Strategies: Their Conceptual Relevance and Analytical Scope in Social Research // *Sociology*. 2002. Vol. 36. No. 2. P. 275–292.
- Wallace C. Opening and Closing Borders. Migration in East-Central Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 603–625.
- Wallace C. Misunderstandings and Misleading Stereotypes: a Western Feminist Goes East // *Soundings*. 2000. Vol. 16. Autumn. P. 144–167.
- Wallace C. Investing in Social Capital. The Case of Small Traders in Central and Eastern Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 751–770.
- Haerpfer C., Milosinski C., Wallace C. New and Old Security Issues in Central and Eastern Europe // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 6. P. 989–1011.
- Sik E., Wallace C. The Development of Open Air Markets in East-Central Europe // *International Journal of Urban and Regional Research*. 1999. Vol. 23. No. 4. P. 697–714.
- Littig B., Wallace C. Möglichkeiten und Grenzen von Fokus-Gruppendiskussion für die sozialwissenschaftliche Forschung // *Forschungsnotiz Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 1998. No. 23 (3). P. 88–102.
- Abbott P., Wallace C. Women Farmers in South West England // *Journal of Gender Studies*. 1996. Vol. 5. No. 1. P. 49–62.
- Wallace C., Kovacheva S. Youth Cultures and Consumption East and West: an overview // *Youth and Society*. 1996. Vol. 28. No. 2. P. 189–214.
- Wallace C., Palyanistsya A. East-West Migration in the Czech Republic // *Journal of Public Policy*. 1995. Vol. 15. No. 1. P. 89–109.
- Wallace C. Young People and the Division of Labour in Farming Families // *Sociological Review*. 1994. Vol. 42. No. 3. P. 501–530.